

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	7
----------	---

Часть первая

КАНОН КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДРАМИОНЫ	19
--	----

Глава 1. ГЕРМИОНА ГРЕЙНДЖЕР: «ЛЕВИО́СА, А НЕ ЛЕВИОСÁ» КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ	21
--	----

Глава 2. РОН УИЗЛИ: НЕ ИЗБРАННЫЙ САМ СОБОЙ	39
--	----

Глава 3. ФАРФОРОВАЯ БАШНЯ: ДРАКО МАЛФОЙ И ХРУПКОСТЬ ПРЕВОСХОДСТВА	59
--	----

Глава 4. ТРЕУГОЛЬНИК РОН – ГЕРМИОНА – ДРАКО КАК СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА	72
--	----

Глава 5. ОТ «ГРЯЗНОКРОВКИ» ДО СВЯТОЧНОГО БАЛА: ГЕРМИОНА КАК ФУНКЦИЯ, КАК ТРОФЕЙ, КАК СУБЪЕКТ	86
---	----

Часть вторая

ДРАМИОНА КАК КОЛЛЕКТИВНАЯ ФАНТАЗИЯ	95
---	----

Глава 6. ОТ ВРАЖДЫ К ВЛЕЧЕНИЮ: ЭРОТИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА	97
--	----

Глава 7. ДРАКО КАК ТЕНЕВАЯ ФИГУРА ГЕРМИОНЫ	115
--	-----

Глава 8. РЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ И ФАНТАЗМАТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: ПОЧЕМУ РОН ПРОИГРЫВАЕТ ДРАКО В НАШЕМ ЧИТАТЕЛЬСКОМ ВОООБРАЖЕНИИ	132
--	-----

Глава 9. ЖЕНСКАЯ АГРЕССИЯ И ПРАВО БЫТЬ НЕУДОБНОЙ	149
Глава 10. ПОСЛЕВОЕННАЯ ПСИХИКА: ВЛЕЧЕНИЕ К СВИДЕТЕЛЮ ТЬМЫ	172
Часть третья	
ЖИЗНЬ – ЛУЧШИЙ ДРАМАТУРГ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ВЫ УЗНАЛИ СЕБЯ В ГЕРОЯХ	187
Глава 11. ЕСЛИ ВЫ ГЕРМИОНА: КАК ПЕРЕСТАТЬ ЗАСЛУЖИВАТЬ ЛЮБОВЬ	189
Глава 12. МОЖНО ЛИ ВЫБРАТЬ РОНА И НЕ МЕЧТАТЬ О ДРАКО	204
Глава 13. ЕСЛИ ВЫ САМИ ДРАКО: КАК ВЫЙТИ ИЗ НАСЛЕДСТВЕННОЙ ГОРДЫНИ И СТЫДА	221
Глава 14. ЕСЛИ ВЫ РОН: КАК ПЕРЕСТАТЬ КОНКУРИРОВАТЬ С ТЕМ, КОГО ЛЮБИШЬ	239
Глава финальная. ДРАМИОНА КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМПТОМ: ЗАЧЕМ ВЗРОСЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ ПЕРЕПИСЫВАЮТ ДЕТСКУЮ СКАЗКУ	25

Введение

Сию в темноте. Глаза уже болят от многочасового непрерывного чтения с экрана телефона, в чатах висят десятки непрочитанных сообщений. Безуспешно пытаюсь себя вразумить: я взрослая женщина, у меня бизнес, ответственность, сотрудники, планы. Я взрослая женщина. Мне не 15 лет, чтобы сохнуть по роковому юноше из... Боже, даже не верю, что произношу это, — из ФАНФИКА! С другой стороны, этот самый фанфик мне скинула 39-летняя замужняя подруга, мать двоих детей и селф-мейд-вумен. Не книгу по саморазвитию, дыхательным практикам, планированию и постановке целей, а фанфик про Гермиону Грейнджер и Драко Малфоя, в народе причисляемый к жанру «Драмиона». Значит, что-то в нем есть, ну что-то же есть, раз я, черт возьми, читаю взахлеб и днем и ночью, не в состоянии ни спать, ни есть, ни говорить о чем-то другом!

Это какой-то сюр, Яра. Твоя светлая голова, долгие годы служившая пристанищем для теории привязанности, объектных отношений, гештальтподхода, детских травм и нейропсихологии, теперь занята тем, что пытается понять: «А когда он уже, наконец, признает, что она для него — не просто грязнокровка, а смысл жизни? А она-то, она разве не видит, что по уровню заносчивости мало чем от него отличается?!» Обнаружив у себя острую непроходимость в области

эмоциональных переживаний за судьбы героев, умытаясь слезами, я записывала стопятысотое голосовое подруге со словами благодарности и проклятий за ее рекомендацию шагнуть в эту бездну под названием «Драмиона»¹.

Стоит сказать, что такая реакция на события книги или фильма мне совершенно не свойственна! За 11 лет работы с людьми я слышала тысячи драматических историй РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. В них любовь, смерть, расставания, потери, болезни, развитие и спасение сплетались в такие немыслимые узоры, что фраза «Жизнь — лучший драматург» давно стала для меня аксиомой. Так почему же вымышленные отношения несуществующих молодых людей стали таким сотрясающим событием в моей жизни? Почему они буквально взяли за грудки мою психику со словами: «Ну шо, психолог, будешь дальше делать вид, что тебя интересует только зрелая привязанность, надежный контакт и здоровая коммуникация? Или все-таки признаешь: где-то в темном углу твоей образованной головы до сих пор живет древняя, неприличная, совершенно нерациональная и не поддающаяся никаким проработкам тоска по тому, чтобы холодный, высокомерный, недоступный человек однажды посмотрел на тебя и сказал: “Я ошибался, ты не ниже меня, ты не чужая и не случайная в моей жизни. Ты та самая!”». Занавес, поклон.

Рефлексируя над этим разыгравшимся на подмостках моей психики спектаклем, я поняла, что прочитать и забыть точно не выйдет. А значит, нужно изучить и разобрать происходящее

¹ Подразумевается, что читатель книги знаком с классической историей «Гарри Поттер», написанной Джоан Роулинг, и ему не нужны пояснения, касательно сюжета. Также подразумевается, что читатель знаком или знает о пейринге Драмионы. — Прим. авт.

в терапевтических и, не побоюсь этого слова, научных целях! Потому что, если бы дело было только в образе Драко Малфоя, можно было бы неловко похихикать, закрыть книгу, выпить воды, потрогать траву, подышать чем бог послал и вернуться к нормальной жизни взрослого человека. Но дело явно было не только в Драко или Гермионе. Дело было в том, что эта история нажала на какие-то очень глубинные кнопки, расположенные не только внутри меня, но и внутри сотен тысяч таких же, как я, читателей. Попахивает коллективным бессознательным!

Я стала думать об этом удивительном совпадении: отчего же отношения, которых почти не было в каноне¹, оказались настолько эмоционально значимыми для огромного числа людей? Что именно психика фанатов достраивает в паре Гермионы и Драко, интуитивно пытаюсь закрыть гештальт, едва открытый Джоан Роулинг: признание, раскаяние, реванш, эротическое напряжение, интеграцию тени или возможность переписать опыт унижения? На что нам всем надавил этот сюжет?

На желание быть замеченной не только тогда, когда вы удобная, умная, полезная и всегда рядом, но и когда вы отдельная, сильная, сложная, желанная и совершенно не правильная? На мечту, что тот, кто когда-то смотрел сверху вниз, однажды вынужден будет пересмотреть всю свою систему координат из-за вас? На фантазию, что презрение может превратиться в признание, холодность — в страсть, вражда — в близость, а чужая гордыня — в раскаяние? На болезненный

¹ Так называют «официальную» версию истории, написанную британской писательницей Джоан Роулинг. — Прим. авт.

вопрос: почему мы часто выбираем одних, а мечтаем о других? Почему рядом с надежным человеком можем чувствовать благодарность, тепло и безопасность, но внутри все равно ждать взгляда от того, кто когда-то не увидел, отверг или унизил? Почему нам бывает мало любви от «своих», а за признание «чужака» мы готовы бороться, из последних сил выворачиваясь наизнанку?

Я читала фанфик и все чаще ловила себя не только на личной эмоциональной вовлеченности, но и на огромном профессиональном возбуждении! За этим сюжетом стояло слишком много аппетитных для увлеченного психолога тем. Нарциссическая уязвимость, травма обесценивания, объектный выбор, эротизация конфликта, спасательский сценарий, женская агрессия, социальная иерархия, фантазия о раскаянии, потребность в равном другом и вечная человеческая надежда, что нас наконец увидят именно там, где когда-то отказались это делать. Тогда-то я и поняла, что Драмиона — это не просто фанатская игра воображения, а настоящий психологический феномен! Это не означает, что всем нам срочно нужно бросать надежных партнеров и искать себе эмоционально недоступных аристократов с тяжелым семейным наследием и лицом человека, который презирает мир, но по ночам, возможно, страдает у камина. Драмиона интересна вовсе не тем, что якобы противопоставляет каноничного «хорошего Рона» — «плохому Драко». Это слишком узкое восприятие представленных нам персонажей. Для меня эта история отношений интересна именно тем, что Рон и Драко, по сути, оказываются двумя сторонами одной медали: двумя вариантами мужской нарциссической травмы, двумя способами обесценивать женщину и при этом быть уверенным, что имеете на нее какое-то право. Что канон, что фанатское творчество в итоге сводят

Гермиону с мужчинами, ни во что ее не ставящими, но вызывающими у нее непреодолимое желание спасать и лечить их раненные души. Бывавший в терапии читатель наверняка уже догадался, что в лице этих травмированных мужчин Гермiona могла бы пытаться избавиться от нарциссических страданий саму себя. А если уж давать волю воображению — в чем авторы многочисленных фанфиков никогда себе не отказывают, — то, возможно, и заслужить одобрение отца, который вполне мог быть первым мужчиной в ее жизни, которому всегда было мало, чтобы считать ее особенной.

Во время консультаций с клиентами я нередко разыгрываю «экстрасенсорную карту». Так и в этот раз. Я уже 20 минут слушаю рассказ клиентки о том, как лихо она покоряет социальные «джомолунгмы», добивается поставленных целей, заколачивает миллионы и управляет корпорацией, и вполне себе представляю, чем у нас сегодня дело кончится. Признанием, что ровным счетом ничего из вышеперечисленного не может принести ей истинного удовлетворения. Что, чуть только одна цель достигнута, поставлены еще три, а по достижении этих трех уже стоят новые шесть... И весь этот достигаторский фрактал, не имея конца, ведет мою клиентку к состоянию уныния и тоски. Но остановить себя она не в силах. Я такое наблюдаю не впервые, поэтому спрашиваю без долгих прелюдий: «Что с отцом? Пил, ушел, вообще не появлялся и остался неизвестным, физически был, а эмоционально отсутствовал?» Удивление на лице клиентки сменяется тоской или досадой, и она подтверждает одну из перечисленных гипотез.

Привыкшая все контролировать и заранее просчитывать все варианты развития событий, моя клиентка тяжело

вздыхает: «Ну только не говорите, что мне нужно проработать отца, чтобы просто научиться отдыхать. Я думала, вы нормальный психолог, а вы из этих же “детствокопателей”... Я уже давно не обижаюсь и ничего от него не жду. Все, что я хотела, я создала в своей жизни сама, ему такое и не снилось! Что с него взять? Он за всю жизнь ни рубля маме не дал, зато бабам своим покупал кольца и квартиры...».

Я не тороплюсь, молчу — порой это лучшая интервенция из возможных. Смотрю клиентке в глаза, выражаю лицом сочувствие, киваю. Она краснеет, сжимает кулаки, замирает и говорит: «И с мужчинами у меня поэтому же лажа какая-то, да?» Очень многое клиент уже знает о себе сам. Работа начинается там и тогда, когда не я сказала ему это, а он сам — пусть уже в сотый, но окончательный раз — произнес болезненную правду и наконец-то с ней согласился.

«Гермионы» неоднократно оказывались в моем кабинете: умницы и красавицы, с миллиардом красных дипломов в кармане, безупречной репутацией, сильной волей и неукротимым желанием доказать кому-то единственному среди десятков признающих и любящих их людей, что они особенные. Их могут уважать коллеги, обожать ученики, цитировать подписчики, благодарить клиенты, повышать начальники, хотеть мужчины, любить друзья... Но где-то внутри все равно стоит маленький холодный турникет с надписью «Недостаточно». И кто-то невидимый, давно ушедший или никогда по-настоящему не присутствовавший как будто продолжает иметь решающее значение во всем, что они о себе думают.

Эти женщины приходят в терапию не всегда с жалобой на отношения. Часто они приходят с выгоранием, тревогой,

бессонницей, невозможностью отдыхать, ощущением внутренней пустоты, паникой перед остановкой, раздражением на слабых людей, презрением к собственной усталости и странным чувством, что достижения вроде бы есть, а радости от них нет. А потом, где-то на третьей, пятой, десятой встрече, выясняется: за тревогой стоит не просто усталость, за достигаторством — не просто амбиции, а за любовью к «трудным» мужчинам — не просто «плохой вкус» или отсутствие опыта. За спасательством — не просто доброта, за потребностью быть лучшей — не просто «лидерский характер». Там обнаруживается очередная бесплодная попытка получить, наконец, взгляд, которого когда-то не хватило. Необязательно, кстати, отца! Я не собираюсь, размахивая психологическим молотком, забивать в каждый женский сюжет гвоздь с надписью «Папа не любил». Психика сложнее, интереснее и, к сожалению, изобретательнее. Это может быть мать, для которой ребенок становился значимым только через достижения; семья, где любовь выдавали по талонам за удобство; школа, где ценность измерялась оценками; первый возлюбленный, который смотрел мимо; значимый взрослый, которому всегда было мало; холодный объект, перед которым вся жизнь превращалась в бесконечную презентацию себя. Вон сколько вариантов стать Гермионой, ищущей тепла и признания именно у тех, кто слеп к ее уникальности. Выбирайте любой.

Механизм повторяется с пугающей точностью из раза в раз: женщина продолжает жить так, будто где-то существует последняя инстанция, которая однажды скажет: «Теперь достаточно, теперь ты ценная, теперь тебя можно выбрать». И вот эта инстанция, как назло, редко похожа на доброго, устойчивого, эмоционально доступного человека с нормальным графиком, теплым взглядом и способностью обсуждать

чувства без выражения лица «меня пытаются». Это было бы слишком просто! Как же тогда «гермионить», спасать, разгадывать, понимать того, кого никто не понимает, поддерживать и заботиться о том, кто едва ли за сто лет способен будет сгенерировать столько тепла, сколько она выдает за час? Психика, обладающая весьма своеобразным чувством юмора, обычно выбирает для этой роли кого-то посложнее. Холодного, занятого собой, раненого, грандиозного, обиженного, недоступного. В идеале еще и женатого, высокомерного, вечно сомневающегося, вечно страдающего. Ну мед!

В ходе подготовки к написанию этой книги я пересмотрела сотни видео, созданные руками таких же офанатевших, как я. И везде видела один и тот же сюжет: Рон и Драко конфликтуют из-за Гермионы, по очереди то отталкивают ее, то страстно преследуют, будучи одновременно холодными и уязвимыми. А ОНА, Гермиона, то злится и негодует, то всех понимает и принимает, смущаясь оттого, что все это происходит ИЗ-ЗА НЕЕ И РАДИ НЕЕ. Это ОНА — причина их споров и дуэлей, слез и радости, уязвимости и трансформаций! Комментарии тоже не блещут разнообразием (не подумайте, что я себя отделяю от тех, кто их пишет, — я абсолютно такая же): «Боже, где же мой Драко? Когда уже из-за меня будет волшебная дуэль? Как теперь жить в реальности, где мужчины просят разделить с ними счет пополам?».

Думаю, именно поэтому тема отношений Гермионы, будь то канон или Драмиона, так точно попадает в нерв огромного числа женщин. Она не просто предлагает романтические фантазии и хеппи-энды. Она предлагает фантазию о закрытии незавершенного нарциссического гештальта. Пусть тот, кто смотрел сверху, наконец рухнет с высоты. Пусть тот, кто

воспринимал как должное, наконец увидит во мне сокровище. Пусть тот, кто был холоден, окажется не равнодушным, а испуганным собственной глубиной! О-о-о, да-а-а! Пусть тот, кто не признавал, — признает, и в конце всей этой сложной, долгой, драматической внутренней бухгалтерии будет не просто любовь, а восстановление справедливости!

Пренеприятнейший сюрприз: в реальной жизни такие сценарии редко заканчиваются красивой сценой у камина. Гораздо чаще они заканчиваются терапией, антидепрессантами, сообщениями подруге: «Я опять ему написала», эмоциональным похмельем и внезапным пониманием, что вы не любовь строили, а пытались через другого человека закрыть дыру в собственной самооценности. И что другой человек, как назло, совершенно не обязан становиться лекарством. Более того, он сам зачастую — ходячая рана.

Ой, чуть не забыла! Одна из главных ловушек-то в том, что Гермионы редко выглядят жертвами! Они слишком умные, слишком собранные, слишком функциональные, слишком сильные, чтобы окружающие заподозрили в них хоть какой-то голод. Они могут руководить, учить, лечить, вести за собой, содержать семьи, спасать проекты, сдавать экзамены, держать лицо, роскошно выглядеть, иронизировать, зарабатывать и говорить: «Да я все понимаю». И ведь правда понимают.

Понимание для них — основной адаптивный механизм по жизни. Чувства-то нужно осознавать, замечать и переживать, ведь они плохо управляемы и на формулы не раскладываются. Гораздо проще и безопаснее все понять и рационализировать. Мол, я не чувствую обиду из-за того, что условный «Рон» инфантильно отрицает свою часть ответственности

за наши отношения, — я лишь понимаю, что он устал и нуждается в поддержке. Я не чувствую злость за то, что условный «Драко» то зовет меня к себе, то отталкивает, — я понимаю, что он очень сложный и закрытый, ему нужно время. Гермиона таких мужчин видит не только как партнеров, но и как задачу. Этакую сложную олимпиаду, экзамен повышенной трудности или магистерскую диссертацию по теме «Как доказать эмоционально недоступному человеку, что я достойна любви и внимания». И чем сложнее объект, тем выше ставка! Признание здорового, открытого человека приятно, конечно, но признание холодного человека переживается как победа над самой судьбой! А победить судьбу, как мы помним, не смог даже сам лорд Волдеморт!

Вот такая опасная магия — не хогвартская, а психологическая. Чем меньше человек способен давать любовь свободно, тем дороже кажется каждая ее капля. Чем больше он обесценивает, тем сильнее хочется получить от него признание. Чем выше его внутренний пьедестал, тем слаще фантазия, что он однажды спустится именно к вам. Чем больше он занят собой, тем больше хочется стать исключением, той самой, ради которой он изменится.

Разбор и анализ отношений Гермионы в этой книге будет не доказательством, что Гермиона должна была выбрать Драко, и не обвинительным актом против Рона. Хотя, признаюсь, местами Уизли сам приносит спички, бензин и просит не сдерживаться. Эта история станет для нас психологической лабораторией. Через нее мы будем рассматривать, как формируется потребность быть лучшей, почему человек начинает заслуживать любовь через компетентность, как нарциссическая травма влияет на выбор партнера, почему нас тянет к тем,

кто нас не видит, и каким образом фантазия о признании может годами управлять жизнью взрослого, умного, социально успешного человека. Мы будем говорить о Гермione как о фигуре женщины, которая слишком рано научилась быть сильной, полезной и правильной. О Роне и Драко — как о двух разных вариантах нарциссической незрелости: дефицитарной и грандиозной. О том, как любовь превращается в реабилитационный центр для чужой раненой самооценки. И о том, как из этого центра однажды выйти, желательно не через окно, а через осознание и исцеление.

Эта книга будет о самооценности, стыде, объектном выборе, привязанности, сексуальности, власти, женской агрессии, классовой иерархии, спасательстве, фантазии о раскаянии и праве быть увиденной не только как функция, но и как субъект. **Важное уточнение: я не ставлю клинических диагнозов литературным персонажам.** Гермiona, Рон и Драко не лежали у меня на кушетке, не проходили диагностику, не заполняли опросники. Я не приносила свою работу с ними на супервизию, хотя, будем честны, материала там хватит на несколько лет работы и одну закрытую интервизорскую группу с жесткими правилами конфиденциальности.

Вместе с вами я хочу провести параллели между сказкой и реальностью. Порассуждать о любимых героях, предположить, почему и как еще могло бы быть, заглянуть под мантию романтического сюжета и посмотреть, какие там шевелятся страхи, желания, защиты и голодные детские части, которым до сих пор мало любви, признания и аплодисментов от внутреннего «отца» в первом ряду. **Мы будем идти по этому тексту не как строгие литературоведы с линейкой канона и не как фанаты с плакатом «Драко лучший!», а как люди,**

которым хватило смелости признать: иногда выдуманная история попадает точнее, чем дорогая диагностика.

Так что устраивайтесь поудобнее, берите чай, волшебную палочку, салфетки для слез и на всякий случай номер психотерапевта. Мы спускаемся в подземелья: там темно, местами стыдно, временами смешно. Зато именно там обычно и лежит то, ради чего мы вообще открываем книги. **Не ответ на вопрос, кого должна была выбрать Гермиона, а шанс наконец понять, почему мы сами так часто выбираем боль, называя ее любовью.**

Часть первая

КАНОН КАК
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ДРАМИОНЫ

